

**САКРАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДЕСАКРАЛИЗОВАННОМ МИРЕ:
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ¹**

Д. Ю. Игнатьев, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: denisignatyev@yandex.ru

Статья посвящена исследованию сакральной коммуникации в современной русской культуре. Изменения «эстетической грамматики» диалога между Церковью и обществом находятся в центре внимания автора. В качестве основного условия успешности обретения эстетической идентичности Православной церкви в современном мире определяется актуальность выбранных для коммуникации языков культуры.

Ключевые слова: сакральная коммуникация, диалог, эстетическая грамматика, литургическая эстетика, реконструкция.

**THE SACRED COMMUNICATION IN THE DESACRALISED WORLD:
THE AESTHETIC IDENTITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN MODERN CULTURE**

D. Yu. Ignatyev, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, e-mail:
denisignatyev@yandex.ru

The article is devoted to the study of the sacred communication in modern Russian culture. The shift in the “aesthetic grammar” of the dialogue between Church and society is in the focus of the author’s attention. The general term of the successful aesthetic identity of the Orthodox Church in the modern world is revealed through the appropriate choice of cultural languages in communication.

Key words: sacred communication, dialogue, aesthetic grammar, liturgical aesthetics, reconstruction.

Сегодня православная Церковь сталкивается с проблемой эстетической идентификации в современном мире. Все более актуальным становится вопрос о языках церковной культуры. От успешности построения диалога между Церковью и обществом зависит успешность реализации духовного потенциала христианства в секулярном мире. Церковь всегда обладала специфическим языком выражения христианского вероучения, сама чистота и возвышенность которого были призваны к утверждению истины и духовному преображению своей паствы. Особое место в этом диалоге занимала эстетическая коммуникация как наиболее естественный способ построения общения Церкви с миром.

¹ Подготовлено в рамках проекта РГНФ 12-03-00411.

Язык художественных образов оказывался способным преодолеть ограниченность рационального дискурса и явить миру полноту духовного содержания церковного вероучения. Именно поэтому вопросы литургической культуры и церковных искусств занимали особенное место в Русской православной церкви. В русской церковной культуре эстетические феномены воспринимались как наполненные глубоким духовным содержанием, в церковных искусствах виделась возможность выражения духовного опыта на универсальном языке художественных форм [1, с. 110]. Сегодня необходимо констатировать, что традиционная эстетическая коммуникация в пространстве храмовой культуры часто оказывается тупиковой из-за утраты традиционных культурных кодов. В современной

культуре существует трагический разрыв не только между языком церковного благовестия и языком бытовой утилитарной коммуникации, но и между языками традиционной культуры и языками массмедиа и рекламных образов. В этих условиях перед Церковью стоит задача как эстетического самоопределения в условиях мультикультурного мира, так и построения актуальной системы эстетической коммуникации как основы общения с паствой и обществом. Одна из основных сложностей в выборе стратегии построения диалога заключается в столкновении архаики и модерна в мире, провозглашающим инновацию своей важнейшей ценностью.

Сегодня слова древних отшельников и молитвословия византийских гимнографов звучат в информационном пространстве мегаполиса. Закономерно, что это заставляет задуматься об эстетических образах Церкви в современном секулярном мире. Нередко в Церкви можно столкнуться со своеобразным страхом перед городской культурой, перед сложностью и противоречивостью современного мира в целом. Предпринимаются попытки заменить реальность русской культуры искусственным миром псевдо-русского метафизического ландшафта. Подобное восприятие православия приводит к абсолютизации определенных компонентов культуры, выстраивает систему иллюзорного бытия, в котором удобно укрыться от сложных и противоречивых реалий современного мультикультурного мира.

Современная ситуация миссионерства не позволяет более укрываться за стенами эстетически комфортного исторического православия, она требует обращения к неудобному миру, подобно тому, как апостолы были призваны проповедовать Евангелие во вселенной, принимая во внимание реальный культурный контекст ради успеха своего благовествования. Выход за пределы родного иудаизма обусловил необходимость начала межкультурного диалога, поскольку как мысль совершается в слове, так и всякое вероучительное положение выражается в пространстве конкретной культуры. Культурная миссия Церкви состоит в освящении культуры и просвещении людей. Именно реальность Христа осущест-

вляет духовное преображение культуры, а не реконструкция исторически застывших форм церковных искусств делает возможным существование христианства в современном мире в качестве своеобразной терапии. Сказанное не отменяет важности наследия традиционного церковного искусства, являющегося важнейшим каналом сакральной коммуникации, языком, с помощью которого Церковь издревле общалась со своей паствой. Сегодня необходимо признать, что традиционные формы церковного искусства, воспринимаемые в качестве языка и способа эстетической коммуникации, не вполне справляются с задачей реализации сакрального диалога. Само по себе искусство с точки зрения христианской духовности не может быть самоцелью, смысл его служения заключается в возможности вознесения человека к вершинам духа, к запредельности, трансцендированию, что неизбежным образом подразумевает существование актуальной «эстетической грамматики». При утрате подобной грамматической системы церковные искусства умолкают. Несомненно, что даже скрытое и непонятое искусство иконы и церковного пения все равно благовествует, поскольку способность к преодолению земной ограниченности заключается в самой природе искусства, но зачастую в современном христианском мире обращение (а порой и слепое копирование) к традиционным культурным элементам ограничивается получением наслаждения от самого этого искусства, что лишает его сакрального смысла, превращая в своеобразную, хоть и весьма благочестивую и утонченную, но форму гедонизма. Таким образом, современная Церковь сталкивается с необходимостью актуализации традиционных форм эстетической коммуникации и формированием новой «эстетической грамматики», адекватной реальному культурному контексту.

Церковь всегда находится внутри культуры [3], можно попытаться отделить Церковь от государства, но нельзя отделить Церковь от культуры. Церковь является ядерной структурой традиционной культуры. Культура пред лицом Церкви – это вечное вопрошание, отношения Церкви и культуры – это отношения диалога, общения, где конечный

результат является плодом сотворчества. Диалогический характер христианской культуры является как результатом проекции тринитарного и христологического догматов на сферу гуманитарной системы, так и следствием рецепции античного наследия, для которого диалог был онтологической культурной характеристикой. Эта укорененность диалога в христианском мировоззрении определяет открытость христианства по отношению к миру. Отличительной чертой древней апостольской Церкви является отсутствие страха: страха перед смертью, страданием, страха перед властью имущими и страха перед окружающей языческой культурой. Творческий потенциал Церкви смог преобразить интеллектуальный и художественный опыт языческого мира, вдохнув в него дух христианской веры. Современной Церкви нередко присущ страх перед «другой» культурой, с ее отличиями в мировоззрении, способе коммуникации, внешнем виде. Политика изоляционизма, для которой характерно стремление к бегству от сложного и противоречивого современного мира в мир русского средневековья, где «все находится на своих местах», оборачивается не преодолением, а умножением этого страха перед культурой. Ограничение культурного пространства Церкви приводит не к превращению ее в заповедное царство христианской культуры, а к обращению Церкви в культурное гетто.

Одним из тупиковых путей определения культурной идентичности Церкви в современном мире оказывается «музеефикация» церковной культуры. Для подобного подхода характерен взгляд на Церковь как на музей. Реальность церковной жизни заменяется искусственно сконструированной системой традиционных образов, представленных в рафинированном виде. При таком подходе каждая эпоха «очищается» от всех неизбежных сложностей и противоречий творческого поиска и представляется в музеефицированном стерильном виде, что превращает элементы церковной культуры в музейные объекты, нуждающиеся в особых условиях хранения. Подобные элементы музеефикации оказываются необходимыми и полезными в случае сохранения подлинных истори-

ческих ценностей церковного искусства, но они оказываются губительными в случае распространения на всю сферу церковной жизни. Действенное обращение к вечности заменяется стагнацией музейной консервации, что является исторически ложным, поскольку церковные искусства проходили многотрудный путь развития, трансформируясь в зависимости от изменений историко-культурного контекста. Адекватное формирование культурной идентичности Русской православной церкви требует как сохранения подлинной церковной архаики в качестве российского и мирового достояния, так и формирования актуальной системы эстетических образов современной Церкви. Перед Церковью стоит сложная задача: избежать удушающей консервации церковной культуры, заменяющей реальную христианскую жизнь ностальгией по Византии, Киевской Руси, старой Москве и Российской империи [2, с. 48], и бережно сохранить сложившиеся художественные образы церковных искусств, в которых раскрывается полнота богословского содержания.

Сейчас происходит смена культурной парадигмы, которая для христианства означает не возврат к нулю, а возврат к истокам. Возможно, что сегодня Церковь освобождается от дебелисти, плотской отяжеленности светской культуры. Красота церковных искусств, особенно отмеченных печатью светскости в эпоху Нового времени, зачастую оказывалась преградой для постижения духовного смысла литургического действия, привлекая внимание к многообразию внешних впечатлений. Сегодня искусство более не является ядром культуры, что для светского мира оборачивается гуманитарной катастрофой, но для Церкви это может быть возвращением к истокам аскетического сверхчувственного опыта духовного делания. Своеобразный минимализм современного дизайна оказывается созвучным настроениям множества древнейших подвижников, предостерегавших от увлеченности внешним великолепием, внешней красотой, даже храмовой, закрывающей для души подлинные высоты духа. В протестантизме эти идеи нашли свое упрощенное ригористическое воплощение, но в православной

Церкви высокая эстетика аскетизма раскрыла свой мощный творческий потенциал в красоте подвига святых отцов, в красоте их несколько сурового богослужения, лишенного всякой чувственности и эмоциональности. Современная культура характеризуется чрезвычайной чувственностью, крайним гедонизмом, «клиповостью» мышления и атомарностью сознания. Светская культура более не обладает целостной гуманитарной картиной мира. В такой ситуации Церковь призвана уцеломудрить эстетическую сферу культуры красотой своего богослужения, основанной не на чувственности и внешней аффектации, что, увы, было столь характерно для богослужбной культуры имперского периода русской истории, а на возможности внутреннего самоуглубления и умирения духа.

Святость Церкви проливается изнутри храма, из сердца Церкви, из евхаристии, а не от золоченых маковок и колокольного звона. Это лишь отражение духовных реалий в исторически изменчивых художественных образах. Церковные искусства были адекватны эпохе, определялись живыми стилистическими особенностями культуры. Сегодня попытки трансляции культурных элементов предшествующих эпох приводят к усилению тенденций реконструкции, стагнации и эклектики. Эстетический канон не является застывшей формой, он – переживаемая реальность художественного творчества, наполненного благоговением и здравомыслием. Сегодня традиционные образы церковной культуры в большинстве случаев не могут быть завершены, т. е. не выполняется условие целостности эстетического образа. Можно построить храм, взяв за основу образы древнерусской архитектуры, можно наполнить его копиями русских или византийских икон, но невозможно завершить целостность предполагаемого эстетического образа – что является неотъемлемым условием его существования – поскольку множество элементов создаваемого культурного пространства храма будет отличаться стилистическими особенностями: храм будет наполнен электрическим светом, в нем будет звучать церковное пение XVIII, XIX или XX в., а прихожане будут носить современную одежду. Разумеется, сказанное не

значит, что Церковь должна подстраиваться под веления и вкусы современного быстро изменчивого мира, но она должна разговаривать с миром на актуальном языке.

Жизнь Церкви как жизнь абсолютно-го духа не может быть ограничена никакими культурными границами, Церковь всегда больше культуры своего пребывания, она лишь проявляет реальность своего духа в бесконечном многообразии интеллектуальных и художественных феноменов. О стагнации духовной жизни свидетельствует восприятие Церкви как принадлежащей определенному типу культуры, что требует постоянной реконструкции избранного культурного контекста в качестве единственно возможной среды церковного существования. Тогда всякое новшество воспринимается как губительное для Церкви, элементарные технические инновации ставят под вопрос само существование Церкви в инокультурном окружении. Сегодняшний поликультурный мир нуждается в разнообразии каналов эстетической коммуникации: сохранив богатство культурной традиции, Церковь способна к осуществлению диалога с использованием актуальных культурных кодов.

Одним из важнейших условий формирования актуальной «эстетической грамматики» для реализации диалогического потенциала церкви является изгнание всякой «игры» из христианства [2, с. 374]. В основании этого стремления должна быть положена духовная трезвость как отличительная черта православного мировидения и мироотношения, являющаяся одной из труднейших добродетелей для современного человека. Существует огромный соблазн эстетической подмены реальной жизни ностальгическим обращением к искусственному конструкту средневековой культуры, в результате чего каждодневность невидимого христианского труда вытесняется чувственными восторгами и умилениями. Такая тоска по старине умножает иллюзорность бытия, уводит человека в мир грез и обостренных эмоциональных переживаний, характерных для обращения к светскому, а не церковному искусству. Любопытно, что наибольшее «эстетическое старообрядчество» обнаруживают люди, как правило,

весьма далекие от подлинной жизни Церкви. Собственно крайний эстетический консерватизм является следствием аберрации культурологического зрения: упускается из вида мысль об актуальности церковных искусств для своего времени, живое развитие литургической эстетики заменяется застывшими образами произвольно выбранной эпохи. Нечто подобное произошло со старообрядцами, которые реальность церковной жизни заменили абсолютизацией и консервацией церковного обряда XVII в. Сегодня часто игнорируется перманентность проблемы соотношения архаики и модерна в истории церковных искусств. Использование архаичного языка культуры в эстетической коммуникации определяет принцип двух трудностей: сегодня за художественными образами церковных искусств стоят не духовные универсалии, а художественные образы другой культуры – например культуры Древней Руси. Это, с одной стороны, обуславливает «непрестанный труд интерпретации», осложненный необходимо-

стью исторической герменевтики, предполагающей реконструкцию культурных кодов и эстетической грамматики. Все это умножает виртуализацию культуры, при которой одни знаки ссылаются на другие знаки – пространство церковной культуры наполняется симулякрами, а реальная сакральная коммуникация подменяется «археологией знания» и переусложненной герменевтикой. В подобной ситуации литургическая культура церкви для одних превращается в абсолютизацию обряда, который не может быть понят, но должен быть исполнен, а для других – в форму интерпретации художественного текста, в самодовлеющую литературную критику.

Не современность, а своевременность является основным принципом диалога Церкви с миром. Современному человеку могут не нравиться окружающие его общество, культура, эпоха, но именно они выпали ему на долю, и реализовывать свой духовный потенциал ему необходимо здесь и сейчас, а не в вымышленном пространстве Древней Руси или Византии.

Список литературы

1. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1995. 637 с.
2. Шмеман, прот. Александр. Дневники: 1973–1983. М.: Русский путь, 2007. 717 с.
3. Niebuhr, H. Richard. Christ and Culture. New York: Harper & Row, 1951.

References

1. Bychkov V. V. Russkaya srednevekovaya estetika. XI–XVII veka. M.: Mysl', 1995. 637 s.
2. Shmeman, prot. Aleksandr. Dnevniky: 1973–1983. M.: Russkiy put', 2007. 717 s.
3. Niebuhr, H. Richard. Christ and Culture. New York: Harper & Row, 1951.